

Дмитрий Хворостовский: Мне от природы дан лиричный голос, и я берегу это качество

16 июня 2012

В Белгороде состоялся единственный концерт Дмитрия Хворостовского. Накануне концерта, перед официальной пресс-конференцией, артист согласился ответить на вопросы информагентства «Бел.Ру».

Корр.: Дмитрий Александрович, в одном из интервью Вы выразили свою русскую природу одной фразой: «Я вижу русские сны». Что вдалеке от родины позволяет Вам в большей степени сохранить принадлежность к русской культуре?

Дмитрий Хворостовский: Вы знаете, я настолько часто бываю в моей стране и настолько же часто общаюсь на родном языке. В семье своей мы говорим по-русски, жена моя выучила русский и говорит по-русски, мои дети со мной говорят по-русски, не всегда вольно, но заставляю. Поэтому неудивительно, что я вижу русские сны. Но бывает и так, что приезжаю в какую-то страну и, когда долго в ней нахожусь, бываю один, то, соответственно, общаюсь с людьми на языке той страны, а там уже после нескольких дней, знаете, начинаешь и сны видеть на другом языке.

Корр.: Вы известны как приверженец итальянской оперы, и один из Ваших любимых авторов – Верди. Кого Вы ещё можете назвать наравне с ним?

Дмитрий Хворостовский: В опере я практически, кроме Верди, ничего не пою. В последнее время Онегин Чайковского просто единичное проявление. Сейчас в основном мне это приносит большое неудовлетворение, за редчайшим исключением. Считается, что можно экспериментировать по поводу Чайковского, хотя, в принципе, никто не миновал экспериментов, садистских экспериментов, в том числе и Вагнер, и Верди. И часто бывает просто стыдно и неприятно. Но если контракт подписан, то и участвовать приходится в этом безобразии тоже. Как русский человек я очень люблю Чайковского, с детства. Для меня Чайковский – это сокровенное что-то, святое. И когда одно из удивительнейших, чистейших, каких-то сокровенных для нас и для нашей культуры явлений вандалится на сцене, мне это не приносит удовольствия, поверьте. Просто я себя давно уже не чувствую

Онегиным. Так как Онегина я начал петь с 20 лет, по сути, был даже младше, чем сам персонаж: ему было 24 под конец оперы. Сейчас мне больше интересны характерные роли – злодеи, например...

Корр.: Поэтому Вагнер?

Дмитрий Хворостовский: Нет, Вагнера я не пою.

Корр.: Но ведь сегодня на репетиции был?

Дмитрий Хворостовский: Ну, был. Мало ли что я пою на сцене в концерте, и этот Вагнер – самый вердиевский из всего Вагнера, согласитесь, и самый итальянский. И вообще, роль Вольфрама – роль, на которую мои друзья и коллеги-музыканты заставляют меня обратить внимание, но двигаться в этом направлении мне пока не хотелось бы.

Корр.: О своей жизни вне сцены Вы говорите, что бываете экспрессивны, излишне эмоциональны, рычите на близких, а Ваш сценический образ, скорее, лиричен и романтичен – это две грани одной творческой природы?

Дмитрий Хворостовский: Нет, почему, на сцене я тоже предстаю в разных качествах – и злодеев, и уродов...

Корр.: Это роли, а вот сами?

Дмитрий Хворостовский: В зависимости от того, какую программу пою. Конечно, злодейские программы не попоёшь со сцены на концерте, правда же? Хотя, в общем, у моих коллег, бывает: у Семуэля Рэми (Samuel Ramey), например, много лет тому назад он посвящал целые сезоны, подчас по несколько сезонов, пению дьявола, Мефистофелей разных композиторов, всё, что связано со сказками Гофмана, и прочее, прочее. И концерты пел с определённой тоже музыкой, в общем дьявольщиной занимался в течение нескольких лет.

Корр.: Но этим можно заболеть?!

Дмитрий Хворостовский: Заболеть, да! Так, Вы знаете, нужно осторожно к этому относиться. Ну, ему это удавалось очень хорошо.

Корр.: А Ваше амплуа Вас устраивает?

Дмитрий Хворостовский: Ампула? Вы знаете, говорят, всё равно выше головы не прыгнешь. В общем, мне дан от природы голос достаточно лиричный, и, конечно, лирические качества голоса нужно сохранять, иначе, потеряв их, уже никогда не найдёшь. Ещё Глинка говорил: «Раз потерянная нежность не воротится никогда». Так и про голос тоже. Поэтому, несмотря на то что мой репертуар несколько меняется в сторону такого лирическо-драматического, что ли, но даже роль Риголетто я исполняю достаточно лирично, нахожу там очень много лирики.

Корр.: Ваш альбом «Кредо» полностью состоит из духовных песнопений. Что подвигло Вас на исполнение церковной музыки – это музыкальный эксперимент или духовная потребность?

Дмитрий Хворостовский: Я экспериментировал в своё время, альбом был записан в девяносто четвёртом году. Тогда я познакомился с очень удивительной группой музыкантов и руководителем Санкт-Петербургского камерного хора, Николаем Корневым и его женой Натальей, они были лидерами. Мы познакомились ещё в девяносто втором году на постановке Онегина в Париже, в «Шатле», где их хор был просто задействован в качестве оперного хора. Было потрясающе совершенно – атмосфера в постановке этой оперы, все были молоды, красивы. Качественно очень и стильно. И сам Николай Корнев – один из изысканнейших музыкантов, которых я когда-либо встречал и с которыми работал. Благодаря их влиянию я обратил внимание на литургическую музыку. Практически все – каждый участник этого хора – они где-то пели в то время в церквях, они очень хорошо разбирались в этой музыке. Я как человек-атеист, не верующий в Бога особенно, тоже пытался это сделать. И интересно, что сейчас, через несколько дней буквально, в Москве мы записываемся с хором Конторовича (Академический большой хор «Мастера хорового пения» под управлением Льва Конторовича – прим. ред.) и опять частично возвращаемся к этой теме. Тогда был девяносто четвёртый год, сейчас – две тысячи двенадцатый, время пришло некоторые вещи переписать, записать некоторые новые, и литургическая музыка там же будет исполнена, и фольклорная, русская народная музыка.

Корр.: Вы охотно включаете в свой репертуар эстрадные песни. Мастером, сделавшим выбор в пользу эстрады, стал в своё время Муслим Магомаев. Что бы Вы могли сказать о нём?

Дмитрий Хворостовский: Магомаев, безусловно, повлиял не только на меня, но и на огромное количество, может быть, миллионы советских людей, которые жили, учились, росли в то время. Во-первых, его удивительный и совершенно роскошный и голос, и потрясающий талант, его манеры, сдержанные очень, его чувство такта, его чувство меры, которое абсолютно отсутствует в наше время у его коллег в этом жанре. Конечно, и его аристократизм, его какие-то джентльменские качества пленяли не только практически всё женское население страны, но и мужчин тоже. И каждый

хотел петь так, как он, и чтобы петь оперу, и то, и другое... Для меня он своего рода Элвис Пресли по объёму сделанного и тому эффекту, который он произвёл на целую генерацию людей. Я, пожалуй, сравнил бы его с Элвисом по масштабу влияния. Поэтому Магомаев, конечно, это кумир, это идол, это абсолютная величина, которая всегда останется в нашей памяти, в нашей культуре. А то, что я занимаюсь этим, может быть, отчасти и благодаря ему, потому что на его примере я понял, что это возможно. И уже в своё время, когда рос, понял, что можно, являясь настоящим оперным певцом, обращаться и к классической популярной музыке. И делать это с чувством такта, вкусно и хорошо. Есть несколько примеров и на моей памяти, в моей практике: Рене Флеминг (Renee Fleming) абсолютно успешно выступает и в жанре джаза, и в жанре популярной музыки, ей это удаётся блестяще совершенно. Немного примеров, но есть. Я думаю, что я в каком-то роде последователь тех же самых традиций, тем более что традиции именно советской, которая сейчас несколько теряется среди классических исполнителей. Настоящий оперный певец в советское время обязательно блистал на сцене и с камерной музыкой. Возьмите такие удивительные примеры, как Ирина Архипова, Юрий Мазурок. Гуляев – мы не можем пройти мимо Гуляева, потому что он был великолепным оперным певцом и также был любим миллионами людей.

Корр.: Ваш гастрольный график не часто включает в себя провинциальные города.

Дмитрий Хворостовский: Почему не часто? Это, знаете, зависит от принимающей стороны. Что принимающая сторона желает слышать, исходя из моего собственного репертуара. Выбирают, и им принадлежит первое слово, что ли. Я не могу навязывать ту или иную программу людям, руководителям, от которых зависит решение.

Корр.: Вы как-то сравниваете публику – провинциальную, столичную, заграничную?

Дмитрий Хворостовский: Ну, раз на раз не приходится. Бывает разная публика... Белгородскую публику я ещё не видел. Филармония – шикарная совершенно, сногшибательное впечатление производит.

Корр.: То есть с профессиональной точки зрения Вам здесь комфортно работать.

Дмитрий Хворостовский: Да, комфортно. Зальчик, конечно, хотелось бы больше. Но, в общем, такой компактный зал.

Р. S.: Концерт Дмитрия Хворостовского прошёл при полном аншлаге. Не раз после исполнения очередного произведения публика приветствовала певца стоя, продолжительными аплодисментами. И Дмитрий Хворостовский, и дирижёр

Константин Орбелян высказали искреннюю благодарность за сотрудничество музыкантам белгородского симфонического оркестра и камерного хора филармонии под управлением Елены Алексеевой, отметив их высокий профессиональный уровень. В завершение концерта лучший баритон мировой оперной сцены поблагодарил белгородскую публику за радушный приём и сказал, что не забудет этот концерт никогда.

Беседовала Светлана Баранова